

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Он лежал в постели в каком-то незнакомом месте. Вокруг шепот, шорохи, мелькание белого. Непонятные приборы. Отдаленный рокот морского прибоя. Или это приливы и отливы крови, пульсирующей в висках?.. Он плыл — неизвестно куда. Открыть глаза было трудно, веки страшно отяжелели. Потом вдруг появился человек. Он шагал в лучах весеннего солнца. У него возникло ощущение, что где-то он уже видел этого человека. А потом вдруг понял: да это же он сам...

Аллен Стрэнд ступил в зеленую благоухающую прохладу Центрального парка. Шум Пятой авеню стих у него за спиной. Двигался он лениво и медленно, праздной походкой. По будням он не ходил, скорее бегал вприпрыжку, длинными скачками — высокая худощавая фигура, увенчанная небольшой головой. Длинный острый нос напоминал бушприт корабля, овеваемый океанскими ветрами. Крылья серо-стальных волос то вздымались, то опускались в такт неровной походке. Как-то раз его дочь Элеонор случайно столкнулась с ним на улице и потом часто говорила, что не хватало только волн, которые

отец рассекал бы на своем пути, проплывая в потоке движения.

Он с удовольствием подумал, что сегодня вечером увидит Элеонор. У девочки наблюдательный глаз, и на язычок она тоже остра. И хотя реплики, которые юная особа отпускала за столом, вовсе не всегда были уничижительны, ее присутствие придавало семейным обедам ощущение балансирования на острие ножа. Ему страшно захотелось поскорее увидеть дочь. Шагая по тропинке, вдоль которой стояли скамейки, Стрэнд вдруг подумал, что без Элеонор семейный обед превратился бы в тоскливый, утомительный ритуал.

Утро выдалось серенькое, да к тому же еще и ветреное. Выходя из школы, он решил, что неплохо бы сейчас сесть на автобус и поехать в Музей современного искусства, почетным членом совета которого он являлся — тоже одна из его причуд, — и посмотреть перед обедом какой-нибудь фильм. Кажется, сегодня там показывают «Форт апачей». Прелестный пересказ наивного героического американского мифа, настоящее противоядие для любого скептика. Стрэнд уже видел картину пару раз, но она ему вовсе не наскучила — наоборот, он прикипел к этой незамысловатой истории всей душой. Как ребенок, который требует, чтобы на ночь ему непременно рассказывали одну и ту же сказку.

Но к полудню ветер немного стих, небо прояснилось, и Стрэнд решил пожертвовать фильмом ради одной из любимейших своих прогулок: пройти по парку несколько миль к западу, по дороге от школы, где он преподавал, к дому.

Трава пахла сильно и незатейливо, как за городом, свежая листва деревьев отсвечивала под майским солнцем бледно-лимонным. Он брел ленивой

походкой зеваки. Остановился и, усмехаясь, понаблюдал, как пудель гоняет голубя. Потом какое-то время смотрел, как мальчишки играют в мяч. Полюбовался парочкой — красивым молодым человеком и миловидной девушкой. Те брели, мечтательно и заговорщицки улыбаясь, лица светились чувственным предвкушением. Они шли по тропинке навстречу ему, но не замечали, не видели его.

«Вот она, плоть мая, — подумал Стрэнд. — Да благословен будь Господь — за то, что подарил нам весну и эту пятницу!..» Он никогда не считал себя таким уж праведным христианином, но в этот день душа пела и взывала к благодарности.

Сегодня он свободен. Дела сделаны. Проверены все контрольные на тему «Последствия Гражданской войны». А работы по Аппоматтоксу* и Реконструкции** оставлены в столе. На протяжении целых двух дней дети, которых он учил, будут предоставлены сами себе, и никакой ответственности он за них не несет. Наверняка носятся сейчас по школьной площадке, играют. А может, проводят сексуальные эксперименты где-нибудь на чердаке или прячутся по подворотням и покуривают марихуану. Или же наполняют шприцы только что купленным героином — так, во всяком случае, утверждал тот толстяк в бейсболке, что постоянно торчал на углу неподалеку от здания школы.

Руки у Стрэнда были ничем не заняты. Он наклонился, подобрал с земли маленький круглый камешек и некоторое время нес его, вертя в пальцах

* Небольшой город в штате Виргиния, где в 1865 г. генерал Ли, командующий армией Конфедерации, сдался генералу Гранту. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Период в истории США в течение 10 лет после окончания Гражданской войны 1861–1865 гг.

и с наслаждением ощупывая нагретую солнцем гладкую жесткую поверхность.

Обед у них подают поздно, ждут, пока соберется вся семья. И он решил, что вполне может позволить себе свернуть с дорожки и задержаться у теннисных кортов. Там должна была играть сегодня его младшая дочь, Кэролайн. Девочка росла заядлой спортсменкой. Никаких там марихуан или героина, с удовлетворением подумал он, от души сочувствуя менее удачливым родителям. Нет, весна, выходные и погода явно настраивали на мирный и благородный лад.

Даже издали Стрэнд сразу узнал Кэролайн — по манере двигаться. Она играла резко, напористо, слегка подпрыгивая, решительно бросалась на мяч. И еще ее отличала какая-то мальчишеская привычка запускать пальцы в коротко стриженные светлые волосы и приглаживать их — всякий раз, когда удавалось отыграть очко.

Стройная, довольно высокая для своего возраста девушка в теннисных шортах. Крепкие, хорошо развитые груди, широкие плечи, длинные стройные ноги, которые всегда привлекали внимание зрителей. Как заметил Стрэнд, ими в данный момент любовался какой-то зевака. Молодой человек, с которым играла Кэролайн, выглядел в сравнении с ней хрупким и худосочным.

О наркотиках не может быть и речи, подумал Стрэнд. А вот как насчет секса?.. Семнадцать лет, в наши-то дни... Он покачал головой. А чем, интересно, занимался он сам, когда ему было семнадцать? Да что там, даже меньше! А сколько лет было тем девочкам, с которыми он проделывал все это?.. Уж лучше не вспоминать. Как бы там ни было, но вопросы полового воспитания находились в ведении

матери Кэролайн. И он был совершенно уверен, что та справлялась. Сам он уже успел откровенно обсудить эту тему с сыном и, надо сказать, не заметил у того какого-либо отвращения, страха или нездорового интереса.

Несмотря на то что молодой человек, партнер Кэролайн, показался Стрэнду довольно хилым, бил он по мячу сильно, и обмены ударами были резкими и частыми. Стрэнд дождался, пока дочь не ответит на высокий пас сокрушительным смэшем, и крикнул: «Браво!» Кэролайн обернулась, увидела отца, приветственно махнула ракеткой, подошла к изгороди, за которой он стоял, и послала ему воздушный поцелуй. Щеки девушки покраснелись, волосы взмокли от пота, но Стрэнд нашел, что выглядит дочь восхитительно. Хотя и заметил, какое напряженное и осунувшееся у нее лицо. От этого нос, который, увы, являл собой уменьшенную копию его собственного, казался еще более длинным и острым, чем обычно.

— Привет, пап! — улыбнулась девушка. — Он меня просто убивает, этот Стив!.. Эй, Стив! — крикнула она. — Иди, поздоровайся с моим отцом.

— Не хочу вам мешать, — сказал Стрэнд.

— Зато я хотя бы смогу перевести дух, — отозвалась Кэролайн. — Грех не воспользоваться.

Стив подошел к изгороди, откидывая прилипшие ко лбу волосы.

— Рад познакомиться, сэр, — вежливо произнес он. — Кэролайн говорила, вы были ее первым учителем по теннису.

— О, она начала обыгрывать меня уже с девяти лет! Теперь только наблюдаю, — ответил Стрэнд.

— Меня она тоже обыгрывает, — сказал Стив и грустно улыбнулся краешками губ.

— Только в те дни, когда ты пребываешь в глубочайшей депрессии, — заметила Кэролайн.

— Мне не нравится, когда ты говоришь такие вещи, Кэролайн! — огрызнулся молодой человек. — Просто иногда бывает трудно собраться, вот и все... И никакая это не депрессия.

— Да перестань ты! — Кэролайн дружески хлопнула его по плечу. — Я ж не имела в виду ничего такого особенного. Не говорила, что, проиграв сет, ты потом всю ночь рыдаешь в подушку. Пошутила, и ладно.

— Не хочу, чтобы у людей складывалось обо мне превратное впечатление, — упрямо продолжал юноша.

— Слишком уж ты чувствительный. Не стоит лишний раз это демонстрировать, — рассердилась Кэролайн. — Вообще-то он не всегда такой, пап, — добавила она. — Просто не любит, когда за ним наблюдают во время игры.

— Что ж, можно понять, — дипломатично согласился Стрэнд. — Я бы и сам продолжал играть в теннис, если бы можно было изобрести способ делать это в полной темноте. Ладно, мне, пожалуй, пора...

— Был очень рад познакомиться, сэр. — И юноша двинулся на свое место по ту сторону сетки, нервнотеребя прилипшие к шее волосы.

— Ты уж извини его, па, — сказала Кэролайн. — У него было трудное детство.

— Однако это, похоже, ничуть не помешало ему освоить теннис, — заметил Стрэнд. — Интересно знать, повлияло ли на тебя трудное детство?

— Ну, папа! — Кэролайн отмахнулась ракеткой. — Перестань дразниться!

— Увидимся дома. Смотри, не очень опаздывай!

Еще какое-то время он смотрел, как молодые люди обмениваются ударами. Металлические ракетки так и сверкали в воздухе. Сам он в их возрасте не был столь силен и скор. Зато быстро читал, подумал он, направляясь к дому. Но медленно бегал... Каждому свое. У всякого свой талант и свой выбор. Впрочем, не важно. Он нашел, чем компенсировать быстроту движений.

Александр, управляющий домом, стоял, прислонившись к стене, возле стеклянной входной двери и курил сигару. То был довольно светлый мулат с шапочкой коротко подстриженных седых волос. Улыбался он крайне редко. Впрочем, это можно было понять, если учесть, в каком районе находился их дом. Дальним своим концом улица выходила на вызывавшую к респектабельности Коламбус-авеню, а здесь, под окнами, частенько завывали полицейские сирены.

— Добрый вечер, Александр, — поздоровался Стрэнд.

— Добрый вечер, мистер Стрэнд, — ответил тот, не вынимая изо рта сигары. Он был, наверное, последним человеком в Нью-Йорке, до сих пор носившим мундир времен Второй мировой. Словно для него эта война еще не кончилась, а просто перешла в некую иную фазу.

— Славный нынче выдался денек, верно? — Стрэнду нравился этот человек. Он не переставал восхищаться тем, как удавалось Александру содержать их старый, постройки 1910 года, дом в относительно приличном состоянии.

— Да, денек хоть куда, — ворчливо отозвался старик. — А чего еще ждать после такой сучьей зимы?.. Хотя хорошая погода — это ненадолго. Завтра

обещали дождь. — Оптимизм, как и улыбочивость, не были присущи Александру. — Ваша хозяйка уже дома, — вдруг сообщил он. — И сынишка тоже... — Таким образом управляющий как бы давал понять, что следит за тем, кто входит в его дом и кто выходит. Он во всем любил порядок и записывал все посещения по дням, часам и минутам. Очевидно, это помогало свести к минимуму разного рода неприятные неожиданности.

— Спасибо, — ответил Стрэнд. На Пасху он подарил Александру двадцать пять долларов и бутылку виски «Уайлд Терки». Жена было запротестовала при виде такой расточительности, на что Стрэнд возразил: «Мы в долгу у этого человека. Он тот страж, который защищает нас от хаоса». Александр коротко поблагодарил Стрэнда, но отношения к жильцу, во всяком случае внешне, не изменил.

Открыв дверь в квартиру, Стрэнд услышал музыку — звуки фортепиано из гостиной и тихое треньканье электрогитары. Из кухни пахло чем-то страшно аппетитным и вкусным. Он улыбнулся — его ждали и готовились встретить должным образом. Игра на пианино объяснялась просто: Лесли давала очередной урок музыки. В свое время жена поступила в Джуллиард* с намерением стать профессиональной пианисткой. Выучилась и играла хорошо, но, очевидно, недостаточно хорошо для того, чтобы концерттировать. Теперь же она давала частные уроки на дому и еще три раза в неделю преподавала историю музыки в соседней школе, внося тем самым существенный вклад в семейный бюджет. Из этих денег частично оплачивалось обучение Кэролайн. Если учесть постоянно растущую плату за жилье, то

* Знаменитая музыкальная школа в Нью-Йорке, основана в 1946 г.

без заработков Лесли они вряд ли смогли бы позволить себе содержать эту квартиру в старом доме с просторными комнатами и высокими потолками.

Робкое брэнчание гитары доносилось из-за закрытых дверей комнаты сына, Джимми. Мальчик унаследовал музыкальные способности от матери, чего нельзя было сказать о вкусах — их взгляды на достоинство того или иного композитора серьезно расходились.

Стрэнд не стал беспокоить музыкантов и направился в столовую. Звуки гитары сюда не проникали, зато он отчетливо слышал то игру ученика, то Лесли. Отличить было несложно, а исполняли они отрывок из этюда Шопена. По манере игры он тут же догадался, кто этот ученик: сценарист с телевидения, который почему-то питал особое пристрастие к Шопену. Заняться игрой на пианино этому человеку посоветовал психоаналитик — чтобы снять напряжение. Быть может, ему удалось снять это самое напряжение, подумал Стрэнд, прислушиваясь к аккордам, вот только бедняга Шопен ни чуточки от этого не выиграл.

Ученики к Лесли ходили самые разнообразные. К примеру, некий полицейский с очень хорошим слухом и корявыми, непослушными пальцами — бедняга посвящал музицированию все свободное время. Ходила тринадцатилетняя девочка, родители которой вообразили, что у нее талант. Их мнения Лесли не разделяла. Посещал уроки некий адвокат — он уверял, что с большей радостью готов брэнчать на фортепиано в борделе, нежели выступать в суде. У Лесли брали уроки и несколько преподавателей музыки, когда хотели получше подготовиться к занятиям. Словом, работа у жены была живой и интересной, к тому же на дому.

Сам Стрэнд любил музыку и, когда мог себе это позволить, возил Лесли в оперу. И хотя звуки, доносившиеся из гостиной и комнаты Джимми, порой заставляли его морщиться, ему нравилось, что дом их почти всегда наполнен музыкой. А когда надо было поработать, он запирался в своей спальне, где стоял письменный стол.

Тихонько мурлыкая мелодию, которую сейчас исполняла жена для нервного сценариста, Стрэнд устроился за старинным круглым дубовым столом в столовой, стены которой украшали пейзажи, написанные Лесли в свободное время. Взял свежий выпуск «Нью-Йорк таймс», лежавший на столе. Вот она, судьба, подумал он и достал яблоко из вазы с фруктами, стоявшей посередине. Надкусив, начал проглядывать заголовки статей — Лесли всегда оставляла ему газету, поскольку утром у него просто не было времени дочитать ее до конца. Он сжевал уже половину яблока, когда звуки пианино стихли, двери между столовой и гостиной растворились. Вошла Лесли, а следом за ней — сценарист. Стрэнд поднялся им навстречу.

— О, да ты уже дома! — Жена чмокнула его в щеку. — А я и не слышала, как ты вошел.

— Сидел и наслаждался концертом, — ответил Стрэнд. От жены исходил запах свежести. Длинные белокурые волосы, собранные в пучок на затылке, немного растрепались — она имела привычку энергично встряхивать головой во время игры. Как приятно приходить в дом, где тебя ждет такая славная женщина, подумал он. Он был ее преподавателем в старшем классе и, впервые увидев Лесли, скромно сидевшую в первом ряду, тут же подумал: вот на этой девушке я и женюсь. Школы в ту пору в Нью-Йорке были совсем не те, что теперь. Девушки носили

платья и аккуратные прически, и никто не считал, что выглядеть скромно неуместно и глупо. Он узнал ее адрес и терпеливо ждал, пока девушка окончит школу. А потом вдруг заявился к ней домой — к изумлению Лесли и неудовольствию ее родителей, убежденных, что работа в школе — удел неудачников. Поженились они, когда Лесли окончила первый курс в Джуллиарде. Потом родилась Элеонор, и родители изменили мнение о нем — впрочем, не слишком кардинально. Как бы там ни было, теперь родители Лесли проживали в Палм-Спрингс, и он никогда не читал их писем к дочери.

— Надеюсь, мы не слишком вам помешали, — проговорил телевизионщик.

— О нет, напротив! — воскликнул Стрэнд. — У вас, надо сказать, очень неплохо получалось, мистер Кроувелл.

— Ну, вы, должно быть, имеете в виду игру жены, — возразил Кроувелл. Похоже, музыка ничуть не помогла ему снять стресс.

Стрэнд рассмеялся.

— Я всегда узнаю ее игру, мистер Кроувелл.

— Уверен в этом, — кивнул тот.

— Мы с мистером Кроувеллом собирались выпить по чашке чая, — сказала Лесли. — Ты будешь, Аллен?

— С удовольствием.

— Тогда извините меня, я на минутку. Чайник уже на плите. — И Лесли направилась в кухню. Стрэнд любовался ее стройной фигурой, изящным изгибом шеи, синей юбкой и белой простенькой блузкой, точь-в-точь такой, какие носят школьницы. Сильные крепкие ноги, светлые волосы — старшая дочь была очень похожа на Лесли.